

Ретроспектива

Второе расследование инспектора Вренко

(Excerpt in Russian)

Translated by: Tatjana Žarova

Contact of the translator: vantanj@bk.ru

Эрика Видиц Кореника сияла. Не в последнюю очередь это был и ее вечер. Впрочем, не только ее и подавно не она выступала в главной роли, но тем не менее. Из-за таких мелочей Эрика не позволяла лишиться ее своих пятнадцати минут славы. Ее приятельницы Мойца, Таня или Даница, к примеру, сегодня здесь из-за нее, а не наоборот. Ну, вообще-то Мойца бывает на выставках, хотя бы из-за мужа, который интересуется такими вещами, да и Даница может то тут, то там показаться на каком-нибудь вернисаже. Правда исключительно для того, чтобы предьявить новое платье или последний *лифтинг*, поскольку искусства она никогда не понимала. А Таня, ну, относительно нее Эрика была уверена, что они с мужем впервые в жизни на открытии какой бы то ни было выставки картин.

Эрике Видиц Коренике было пятьдесят три года, однако сегодня вечером мало кто бы ей столько дал. Стройная, с фигурой тридцатилетней, в дорогом немного вызывающе обтягивающем платье, с короткой модной стрижкой и без следов каких-либо морщин, она имела полное право на то, чтобы сиять.

Дело с Эрикой обстояло следующим образом. Ее тестю, художнику Каролю Коренике крупная и известная галерея устроила масштабную ретроспективную выставку. И в эту пятницу, шестнадцатого декабря, было ее открытие. Работам Кароля Кореники были отведены почти все выставочные помещения, а таковых было немало. Весь первый этаж, за исключением так называемого малого салона, залы у туалетов галереи, там были выставлены какие-то модернистские инсталляции, главным образом, лишь груда камней. Рисунки, графика и полотна Кароля Кореники занимали весь первый этаж, ретроспективе был отведен также информационный центр галереи в подвальных помещениях. Здесь были доступны различные публикации, связанные с жизнью и творчеством Кароля Кореники, документы, монографии, каталоги и подобное. На первом этаже галереи были выставлены более *легкие* произведения на бумаге, рисунки, наброски, несколько графических полотен.

Кароль Кореника был художником классической школы. Мастер рисунка, всю свою долгую жизнь остававшийся верным фигуративному искусству. Был также потрясающим портретистом.

На втором этаже были выставлены полотна. По большей части, это были городские пейзажи Марибора, Парижа и Триеста, городов, в которых он прожил свою жизнь. Собрание дополняло несколько больших пейзажей и прекрасных портретов. Главный куратор выставки и влиятельный художественный критик Роман Доли, любивший к своему имени добавлять приставку М.А., что означало *магистр искусствоведения*, не преувеличивал, когда в своем вступительном слове провел параллель между мастерскими работами Кореники и популярным Люсьеном Фрейдом, *которым мы могли восхищаться в этом году в Венеции*.

Удался ему даже смелый тезис относительно сходных черт между портретами Кореники и картинами Фриды Кало, *которой мы также в этом году любовались в Современной галерее Тейт*. Сравнения были хороши, уместны и к тому же господин Доли дал понять всей собравшейся элитной шобле, что он побывал в этом году по крайней мере в Венеции и Лондоне, если не еще где-то. Ему нравилось слыть космополитом. С этой целью в случаях каковым, к примеру, было открытие сегодня значительной выставки, он вместо галстука позволил себе на шее неброскую, но все равно выделяющуюся бабочку.

Поскольку художник Кароль Кореник, к сожалению, скончался два года назад в возрасте восьмидесяти двух лет в ходе подготовки ретроспективы, звездами вернисажа сегодня были его теперешняя и бывшая жена и его дети. У него было три сына, все от жены из первого брака, итальянской словенки Ангелы Тутти, которая после развода пятнадцать лет назад оставила фамилию мужа и теперь носила фамилию Тутти Кореника.

Средний сын Ангелы и Кароля Кореники Раймунд был мужем Эрики. Она считала себя единственной натоющей снохой художника, на что имела веские основания. Старший брат Раймунда Сильван, который как раз в этот момент крайне некстати и чересчур громко хохотал в обществе женщин в углу у входа в галерею, хоть ему уже и стукнуло пятьдесят пять, вознамерился жениться. И до свадьбы, видимо, и не факт, что вообще дело дойдет. А второй свояк Эрики, младший брат Раймунда Алеш, Эрика скорчила гримасу, – гомосексуал. Его постоянного партнера Клауса, впрочем, Эрика также не могла считать серьезной конкуренцией. Не потому, что она имела что-то против

гомосексуалов, а потому что этот австриец Клаус не то же самое, что она, – законная, пред Господом венчанная и в загсе зарегистрированная жена.

Так что, по праву это был и Эрикин вечер. Хотя, она вынуждена была признаться, это и утомительно. Все время нужно было любезничать с посетителями, быть готовой отвечать на разно-разные вопросы, кивать налево-направо, все время улыбаться. Тем не менее, Эрике давалось это без труда, словно какой-нибудь английской королеве, она смирилась с судьбой публичной особы и переносила это с достоинством.

При всем при том ей удавалось и то, чему так любила предаваться. Все время она внимательно наблюдала и оценивала окружающих.

Там в углу Сильван все с той же непристойностью гогочет и снова пьет больше, нежели в состоянии. Он и на семейных-то встречах всегда набирался. Иногда он даже на нее засматривался, так исподволь... с некоторыми намеками. Эрика приходила в ужас, вспоминая недостойное поведение старшего брата мужа. Даже ненароком она не призналась бы в том, что его намеки, впрочем, скрытые где-то очень глубоко за правилами и условностями приличия, и – что еще важнее – даже за признаваемыми на исповеди грехами, подсознательно ей весьма нравились.

Как обычно, думала Эрика, свояк терся возле молодых женщин, в то время как его Мартина, эта, кстати, тоже не бог весть что, толчется сегодня больше на втором этаже. Все время стоит перед своим портретом, одной из центральных картин на выставке. Это то, о чем Эрика в этот момент думала, было для нее очень болезненным. Почему старик Кореника написал Мартину Зайц, женщину, которая жила с Сильваном в гражданском браке, как любят теперь называть сожитительство, а ей, за более чем двадцать лет, что она замужем за Раймундом, никогда даже и словом не обмолвился, что нарисует ее. А Эрика была красивой женщиной, Мартина же ничего особенного. К тому же у нее есть этот странный сын от первого брака.

Наблюдать за происходящим в переполненной галерее, где толпился и болтал и выпивал вино из элегантных фужеров на ножках весь цвет городского общества, у Эрики получалось, поскольку она выбрала для этого идеальную позицию. Эрика Видиц Кореника сразу после завершения торжественных речей по случаю открытия вернисажа на втором этаже галереи, когда гости начали общаться и снова вверх-вниз по галерее, она поднялась на третью снизу ступеньку лестницы, ведущую с первого на второй этаж. Отсюда, стоя слегка на возвышении, она полностью контролировала происходящее на первом этаже и, что было еще как важно, каждый, кто хотел подняться на второй этаж или спуститься с верхнего этажа на первый, невольно, должен был проследовать мимо

нее. С лестницы ей было хорошо видно, кто зашел в галерею, и кто вдруг уходит, а также кто с кем вышел выкурить сигарету. Кто курит, ее не интересовало, а вот с кем он этим занимается, вот это стоило внимания Эрики.

Как раз в этот момент выкурили свои сигареты и вернулись в галерею ее младший свояк Алеш и его друг Клаус. Увидев их, Эрика в своих мыслях перенеслась куда-то в сторону.

«Помню, однажды стояла ранняя весна, солнечные лучи проникали сквозь большие окна. Печь затопили больше по привычке, нежели из необходимости, потому что дни были теплые, и я, как обычно, играл у отца в мастерской. И тут...»

Сильван Кореника, высокий, довольно привлекательный мужчина пятидесяти пяти лет с немного оплывшей фигурой, наслаждался. Эти девицы, эти студентки живописи и юные поклонницы искусства как общество доставляли ему чрезвычайное удовольствие. Особенно эта маленькая светловолосая телка, эта Тинкара или как там ее зовут, стоявшая рядом с ним и, так казалось Сильвану, особенно громко и заразительно смеется от его прикосновений. Под расстегнутым кожаным пальто он увидел обтягивающую майку и чувствовал под ней маленькую, налитую и крепкую грудь. Потом, если подвернется случай, эта малышка ночь...

Этих молоденьких женщин нисколько не смущало, что Сильван не умеет рисовать, что он никогда и не думал, чтобы стать художником или необратимо связанным с творчеством. В нем они видели замещение ушедшего мастера. Ну и не в последнюю очередь он был его старшим сыном. И поэтому Сильван Кореника с удовольствием делился с ними воспоминаниями об отце. Большая часть из того, что он рассказывал, так или иначе было выдумкой, но он рассказывал девицам то, что они хотели слышать. Многозначительные анекдоты с глубоким смыслом, остросюжетные истории, клише о страдающем художнике и тому подобное. О том, что они с отцом всегда друг друга недолюбливали и последние годы почти совсем друг с другом не разговаривали, об этом Сильван не рассказывал. Да кому какое дело до этого, скажите на милость.

Он сделал знак официанту, чтобы тот приблизился. Компания поменяла пустые бокалы с вином на полные. Сильван, смерив наметанным взглядом поднос, потянулся за самым полным бокалом. Марочное вино сегодня подавали.

Он бросал взгляды по сторонам галереи, отчасти затем, чтобы видеть, не появился ли чья-либо знакомая физиономия, отчасти для того, чтобы проверить, не спустилась ли случайно его будущая жена Мартина со второго этажа. Не то, чтобы она обиделась на него из-за молодежной компании, однако, и ему было неловко развлекаться в компании

молодых женщин, если Мартина была поблизости. Кроме того, он по-своему ее любил и скоро они думали пожениться. Сильван задержался на первом этаже в том числе и потому, что знал, что Мартина должна будет все время быть наверху, где-то возле своего портрета. Этот фальшивый и трахнутый педераст галерист Доли, да и другие *знатоки* живописи, это последнее слово Сильван про себя произнес как ругательство, обступили ее, и она должна была им рассказывать, как старик писал ее, и что он говорил при этом, и что он делал и как смешивал краски, и что он ел во время рисования, а может, пил что-то, ну в таком духе.

Портрет его будущей жены, который вызвал такой интерес на выставке, Сильвану, по правде говоря, вообще не нравился. Старик написал необычайно страдальческое лицо, как у какого-то Христа. Да к тому же это было вскоре после их ссоры. Даже немного видны синяки вокруг глаз на картине. А она утверждала, что не говорила старому о том, что он ее ударил. Тогда, после того случая, Мартина стала все чаще заглядывать в мастерскую, подумал Сильван.

Портрет Мартины Сильван как один из обладателей прав наследства на отцовское имущество разрешил взять на выставку только потому, чтобы взбесить свояченицу, эту Раймондову гусыню Эрику. В последний момент он смягчился, только вчера утром он дал «зеленый свет». Те сразу же и с огромным удовольствием приехали за картиной и отвели ей почетное место в самом большом и самом важном галерейном помещении на втором этаже.

Эрика Видиц Кореника, как и все остальные, ни о чем не подозревавшие, была сильно удивлена, когда обнаружила портрет Мартины на выставке. Она никак не могла скрыть зависти оттого, что ее прекрасного профиля Каролю Коренике никогда и в страшном сне не пришло в голову написать. Что бы она дала, чтобы *ее*, Эркин, портрет висел сегодня здесь.

Сильван взглянул на свояченицу. Наблюдать за ее мучениями было так сладостно. Все время выступления того коротышки Доли на открытии, когда Эрика вынуждена была смотреть на портрет Мартины, ее корежило, словно мучила подагра.

Сильван усмехнулся. Ну, вы только посмотрите на нее, только что она, точно ворон, окинула взглядом первый этаж галереи. Встала на лестнице, чтобы лучше видеть. Пусть смотрит, чтобы ничего не упустить. Его-то она тоже слышит, думал про себя Сильван Кореника, и снова нарочно неестественно громко захохотал.

Мартину Заец обуревали смешанные чувства. Ее, как и всех, Сильван удивил своим решением дать выставить ее портрет на выставке. Это был единственный портрет, который Кароль написал маслом на холсте. Он рисовал ее много раз, но это были, по большей части, наброски, карандашные рисунки, углем. За картину на холсте он взялся лишь однажды. Это было в начале двухтысячного года, вспоминала Мартина Зайц, вскоре после того, как улеглось безумие перехода в новое тысячелетие. Сильван во время одной из своих выходок сильно ударил ее. Потрясенная и разочарованная, она зашла в мастерскую к Каролю. И тогда после того раза побоев, Кароль Кореника достал самый большой холст, который был у него в мастерской, и начал ее рисовать.

Мартина и раньше была желанным гостем в мастерской, она чувствовала это по поведению Кароля, а после того случая стала все чаще бывать в его мастерской. Никогда тещу, так называла про себя Мартина Кароля Коренику, она ничего не рассказывала. Он понял, в чем дело, и она знала, что он знает. Они довольствовались тем, что она ему позировала, готовила ему чай, помогала двигать тяжелые предметы по мастерской. И ее сын Мирко от короткой связи из прежних лет, среди красок, кистей, книг и картин почувствовал, что мир живописи - это и его мир. Порой ей казалось, что Кароль зовет ее к себе из-за Мирко. Целыми днями они возились, смотрели и разговаривали. Жаль, что тещь умер, он был бы очень рад узнать, что Мирко в этом году сумел поступить в академию живописи.

Теперь Мартина стояла у своего портрета. Картина была не только исключительна по своей выразительности, но и, по крайней мере, для портрета, хоть и в полный рост, чрезвычайно большой. Она была шириной два и высотой три метра. На картине на Мартине надета серая юбка и кофточка, она сидела в старинном кресле, стоявшем у Кароля в мастерской. Ноги прижаты вместе, повернуты налево, руки сложены и покоятся на юбке. Ее прическа растрепана, в беспорядке. Она смотрела с картины прямо, но все-таки не так, как Мона Лиза, о которой большинство знает только то, что *она на тебя смотрит, куда бы ты не встал*. Мартина Зайц смотрела с картины прямо на человека, но так, словно проникала через него. Он смотрела куда-то по ту сторону. Ее взгляд выражал смесь страдания, смирения и вызова.

Кореника ни приукрасил, напротив, он подчеркнул ее неухоженную кожу, усталый взгляд, или, как ранее выразился Доли, *трагедию жизни*.

Ей не нравилось, что картина висит на выставке, слишком уж она ее обнажала. Мартине казалось, что всем видно, что у нее внутри, она чувствовала себя, словно бы сидела обнаженная у всех на виду. Лишь капельку ее женскому тщеславию льстило, что

ее портрет, названный просто *Мартина*, большая и значительная часть выставки. Не в последнюю очередь и то, что наряду с несколькими портретами обеих жен Кароля, это был единственный женский портрет на выставке.

Еще меньше бы понравилось то, что полотно выставлено, ее сыну. Этот портрет он воспринимал – а когда картина создавалась, он был все время в мастерской, хоть она и скрывала от него ссоры с Сильваном, – как глубокую личную исповедь. Как дневник, являющийся совершенно интимным делом. Хорошо, что он не знает.

«И, как идет, дорогая Мартина, подготовка к свадьбе?»

Мартина Зайц должна была заставить себя спуститься на землю. Она понимала, что рядом стоят критик живописи и галерист Роман Доли и ее о чем-то спрашивают.

«Спасибо, Роман, я думаю, мы уже так далеко зашли, что, наконец-то, сделаем этот шаг».

«Почему его это так занимает?» - думала Мартина. Ну, уж ему-то она не собирается объяснять, что, несмотря ни на что, любит Сильвана, как и он ее, по-своему. Как бы то ни было, это только ее жизнь. И сына, конечно, но он уходит. В октябре начинаются занятия в Любляне, уже год, как у него эта симпатичная девушка. Рано или поздно она останется одна и ... Сильван после того раза больше никогда не поднимал на нее руку. За десять лет совместной жизни они нашли некоторый баланс отношений, которые были во всяком случае сносными. Поэтому она выйдет за него.

«Это, - сказал Роман Доли Мартине, подталкивая к ней маленького господина в весьма щегольском костюме, - господин Либманн, Ира Либманн, мой уважаемый гость из России. Галерист. Ему нравятся картины вашего тестя, и он только что сказал, что хотел бы познакомиться с *Мариной*».